

ФБ

Коззль Ольга

Ольга Козэль

ФБ

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Козэль О. С.

ФБ / О. С. Козэль — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В книге рассказов «ФБ» откровенно рассказывается о не слишком счастливой жизни девочки–подростка начала девяностых, об её обострённом восприятии действительности и неприятии общих канонов и морали современного общества. Через откровенный бунт, через стремление то замкнуться, то наоборот, предельно раскрыться, через целый ряд однополых влюблённостей проходит юная героиня в поисках – чего? На первый взгляд, может показаться, что девочка не ищет и не ждет от жизни ничего конкретного. На самом деле, как и в любые времена, подростка волнуют отсутствие дружбы, любви, понимания.

© Козэль О. С., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

ФБ

рассказы

Алгебра и начало

Давайте поговорим о маленьких самоубийцах! Я-то на них насмотрелась вдоволь – когда лежала

со ртутным отравлением в Филатовской больнице. Обычно было так: привозят ночью почти

бездыханного подростка. Его привязывают к кровати, ставят капельницу, он, в беспомощности, что-

то кричит, зовет кого-то. Наутро неудавшийся смертник приходит в себя, ему необходимо

выговориться, а я – тут как тут, на соседней кровати. Сколько я этих историй переслушала – не

счесть. Многих – почти половину – с головой накрыла несчастная любовь. Кто-то поссорился с

учительницей, кто-то – с родителями. Ерунда? Нет. Потому что быть ребенком всегда сложнее,

чем быть взрослым. Это к вопросу о безоблачности детства. Маленький больше зависит от

окружающих людей. А любая зависимость – почти всегда зависимость дурная.

Эта история случилась в тот самый год, когда я перешла в другую школу. Собственно, особого

выбора и не было, поскольку моя нелюбовь к точным наукам достигла критической отметки, а в

новой школе наличествовал гуманитарный класс. Туда меня и засунули, там я и познакомилась и

подружилась на всю жизнь со Светкой Дюдиной, по прозвищу Багира, которая четверть века

спустя иллюстрировала мои книги. Но это все было сильно потом. В новой школе работала

прекрасная, просто замечательная математичка Галина Петровна. Маленького росточка, пожилая,

курносенькая, веселая и добродушная. С ней я тоже подружилась – при всей своей нелюбви к

алгебре. Диалектика, ёлы-палы! Мы с Багирой показывали ей свои стихи и рисунки. Она восхищалась: «Да вы просто гении, мои славные! Пишите, рисуйте, а уж «четверки» по своему

предмету я вам всегда нарисую...»

Потом я влюбилась. В учительницу химии, по имени Зоя. Зоя эта была уже не первой молодости

– мать двух пацанов чуть поменьше нас – где-то сорок, или слегка «за». Кажется, брюнетка,

кажется, худощавая и невысокая, кажется, с синими... нет-нет, с фиолетовыми глазами.

«Биологический урод! – сказала о ней как-то моя подруга Багира. – Глицерату опилась.

И рожа

желтая – курит много...» «Кто? Зоя?» – ахнула я. Прекрасная Зоя – курит?

– Ну а ты чего думала? И киряет наверняка... у нас на районе все киряют.

– А что это... «киряет»?

– Поддаёт, – объяснила Багира. И, заметив мои расширившиеся глаза, поспешила объяснить: – Ну, пьёт, значит.

– Дура ты, Багира! – я задумалась. Багира много чего знала – она была девочкой из самого скандального ореховского квартала. Если бы только я могла поговорить с ней начистоту о том, что происходило со мной в те дни! Но я не могла, не могла – и все тут. Ведь я – страшно сказать! – я любила человека одного со мною пола. «Наверное, это такая болезнь... – думала я бессонными ночами, глядя в потолок своей комнаты. – Если все узнают, что со мной происходит, то станут ненавидеть и презирать меня. Нет, я буду молчать, молчать всю жизнь!»

Но всю жизнь молчать редко у кого получается. И я сделала страшную вещь – решилась, наконец, заговорить. Нет, не с Багирой, а с красивой, гордой Зоей. Написала на тетрадном листке письмо. В котором объяснялась ей в любви. В конце зачем-то добавила: «Больше Вы меня никогда не увидите!» Зачем я сделала это – сейчас не смогу объяснить. Да и тогда вряд ли смогла бы. Может быть, начиталась романов и была уверена, что именно этими словами должны заканчиваться любовные письма. А, скорее всего, размышляла так: я, конечно, неполноценная, я больна и не имею права жить на свете, но я люблю Вас и готова искупить свою неполноценность собственной кровью. Рано утром я подкинула сложенный вчетверо листок на стол в ее лаборантскую.

И почти сразу осознала: теперь, чтобы остаться в Зоиных фиолетовых глазах порядочным человеком, я должна сделать всего-то ничего, а именно – умереть. Иначе как я завтра предстану перед фиолетовыми глазами? Но до завтра была еще уйма времени, просто целая жизнь. Я наскоро оделась и выбежала из школьных дверей. Навстречу, сосредоточенно глядя перед собой и еле переставляя ноги, плелась заспанная Багира. Я обрадовалась ей до смерти.

– Слушай, Багира... давай сегодня не пойдем в школу?

Багира не удивилась и поначалу даже не поинтересовалась причинами.

– Давай! А куда двинем?

– Да куда хочешь... В Царицынский парк, например.

Пока мы топали узкой, заснеженной дорожкой к Царицынскому парку, я выложила Багире все – и про свое предсмертное письмо, и про любовь к химичке Зое.

Багира слушала молча.

– Акелка... это... я даже не знаю что. Ну... я понимаю, что она тебе нравится, так? Но неужели ты взаправду готова умереть из-за какой-то там Зои?

– Она не какая-то...

– Ну хорошо, не какая-то! Она красивая, наверно, я понимаю. Но красивых много, из-за всех с

собой не накончаешься. Хотя ты ведь... ты же не собираешься умирать? – глаза Багиры вдруг

сделались детскими и беспомощными, как у третьеклассницы.

И тогда я сказала: «Нет!» Багира могла спросить меня, как я собираюсь идти завтра в школу –

такая живая-живая. Но она ни о чем не спросила меня больше. Мы прекрасно провели этот день.

На знаменитой царицынской горке не было ни души, зато вокруг валялось полно брошенных

картонок. Мы накатались так, что все тело уже ныло от усталости, а куртки и школьная форма

сделались мокрыми от снега. Пошли к метро, стрескали по две порции эскимо, снова вернулись в

парк. Но предчувствие близкой беды, на этот раз очень явное, чтоб быть заглушенным такими

детскими вещами, как мороженое или катание с горки, нависло над нами. Если бы мы с Багирой

имели математический склад ума, то, вероятно, пытались бы выработать алгоритм дальнейших

действий, чтоб хоть как-то выпутаться. Но мы были творческими людьми. Поэтому погрузились в

страдания.

– Ты бы просто написала ей, что любишь ее. А зачем... про смерть-то?

– Ага! Я бы написала – а она бы развонила всей школе, что... ну что я неполноценная.

Багира с сомнением покосилась на меня. Спросила грустно:

– А так, думаешь, не развонит? Ты бы уж лучше в Петровну влюбилась! Петровнушка – это

человек. Или в Донатовну, завучиху... Говорят, она передушила в округе всех кошек и сшила из них

себе пальто. – Багира попробовала засмеяться, но я оборвала ее:

– Не говори глупостей!

– Да я и не говорю... Слушай, Акелище, я ведь эту Зою с пятого класса знаю – она у нас до Петровны

математику вела. Стерва еще та. Эта не из тех, кто будет сидеть у окошка и молча рыдать... Она

тебе еще покажет и любовь, и небо в алмазах – тут к гадалке не ходи. – Багира со злостью пнула

пустую консервную банку, попавшую под ноги.

Но Багира все-таки преувеличивала. Потом мы узнали, что Зоя, найдя мое письмо, действительно

рыдала в учительской. Учителя даже думали, не вызвать ли ей «скорую помощь».

...

– Багира... а что, если я прыгну в полынью? А потом скажем, что я как бы топилась, а ты меня как

бы спасла?

Мы подошли к заснеженному по колено пруду. Начерпали полные сапоги снега, но не обратили

на это внимания – ноги-то уже часа три как были мокрыми. Вот она, полынья. Черная-пречерная

вода ходит кругами – рыба что ли плеснулась? Лед вокруг тонкий и весь какой-то кружевной – у

моей сестренки такой воротничок на школьном платье. Мы подошли и устали в воду. Там

глубоко – это понятно. Я начну цепляться за лед – он будет ломаться. Багира не сможет меня

спасти – она куда легче – скорей, это я утяну ее за собой в воду. Тонуть, наверное, не больно,

просто дышать нельзя – и все. Я попробовала задержать дыхание, чтобы представить, каково это –

быть утопленником – и, в конце концов, почувствовала дикую, просто нечеловеческую, боль.

Значит, больно. И потом Багира... за что ей умирать? Ей-то до лампочки прекрасная, загадочная

химичка, вздыхает она, как и положено нормальному человеку, по блондину и двоечнику Димке

из параллельного класса. Не знаю, о чем думала Багира – я просто чувствовала, как крепко она

вцепилась в мой рукав.

– Акела... смотри! Кажется, поздно...

Я повернула голову и обомлела. Совсем рядом, в десяти шагах от нас, стояла химичка Зоя. Но не

одна. Много-много народу стояло. Ребят, взрослых. Петровна стояла – по правую руку от Зои.

Толстая завуч Елена Донатовна в своем пальто из убитых кошек. Зоя засунула руки в карманы и

медленно, точно прогуливаясь по бульвару, подошла ко мне почти вплотную. Откинула со лба

черную прядь.

– Ну здравствуй, Оля! С горки катаешься? – она неотрывно и очень серьезно смотрела мне в глаза.

Тени длинных ресниц падали на ее желтоватые щеки. Я подумала, что она хочет меня ударить.

Красивая... какая красивая!

– А в чем, собственно, дело? – Багира встала перед Зоей, отодвинув меня, и наивно попыталась

спасти ситуацию. – Ну катались – и что? Прогуляли – да. Мы... это... болеем... обе.

Впрочем, последние Багирины слова вряд ли кто-нибудь расслышал, кроме меня – да и я-то

скорей догадалась, чем расслышала. Зоя не ударила меня. И не сказала больше ни слова. Круто

повернулась на каблучках и пошла впереди толпы – маленькая, легкая, точно уравнение в первом

классе. Не оглянулась ни разу.

...

Дальше было неинтересно. Дальше Донатовна взяла нас за рукава курток и, словно упирающихся

детсадовцев, потащила в школу. Она уверенно шла по тропинке, а мы по бокам – то и дело

проваливаясь в снег. Донатовна что-то укоризненно втолковывала нам с Багирой, сзади гудела и

напирала толпа, но я ничего не видела и не слышала. Смотрела себе под ноги. Потом мы с Багирой сидели в учительской, и математичка Петровна гладила меня по голове и шептала: « Все

обойдется, дурочка... Скоро все всё забудут, вот увидишь!» Пришла тетя Галя, мама Багиры, хотела

забрать нас обеих, но меня не отпустили с ней. Багира заявила, что тогда тоже никуда не пойдет –

и мы опять сидели в учительской – уже вместе с тетей Галей. Наконец, приехала моя мама и,

отвесив пару подзатыльников, забрала меня домой. Вечером она рассказала мне, что тоже в

моем возрасте была влюблена в женщину, с которой познакомилась в больнице. Та женщина, из

больницы, была сильно старше и неизлечимо больна – рак, наверное. Мама навещала ее, приносила цветы. А однажды пришла с цветами, а ей сказали, что... (в этом месте мама запнулась,

я это хорошо помню), что цветы больше не нужны, одним словом. Мама не спросила, где похоронили умершую. Шла домой, помахивая никому не нужным букетом. А потом, кажется,

начался дождь.

Багира оказалась права только в одном – историю с письмом действительно тотчас узнала вся школа. Теперь я общалась только с Багирой и с Петровной. Потом, спустя где-то месяц, нас с

Багирой сильно избили. Начали цепляться к Багире, а я подошла и врезала половой тряпкой по

лицу самой отчаянной заводиле. Били так, что места живого не осталось. Спасла нас, как ни

странно, Танька Полянская – здоровая мужиковатая и уже судимая девятиклассница, которой

отчаянно боялся весь район. Подошла, разогнала всех ленивыми пинками, подняла нас с Багирой

со снегу: «И вы тоже валите отсюда!»

Потом я, случайно проходя мимо учительской, услышала какой-то бурный спор – и волшебный, хриплый голос Зои посреди него. Остановилась, блаженно закрыла глаза.

– Вы, Зоя Александровна, ведете себя просто безобразно, – это говорила математичка Петровна.

– Дети есть дети, с ними всякое бывает. Но натравливать своих учеников на двух девчонок –

просто низость... да-да, низость, давайте уж называть вещи своими именами!

Вконец оглушенная, я отошла от двери. Значит, о драке знали эти, в учительской. Странно, ведь

мы с Багирой вроде бы не трепались никому. Какое-то время думали отловить обидчиков поодиночке и вздуть хорошенько, но потом отказались от этой затеи: уж кого-кого, а нас с Багирой точно постарались бы отправить в зону – и на подольше... Так, чтоб ни слуху, ни духу, ни

кровинки с лица, ни предсмертного письма. Я ничего не сказала Багире о том, что услышала в

учительской. Она ведь и без того отчаянно ненавидела Зою с того раза. Называла ее почему-то

«Маргарита-в-отставке».

...

Школу мы благополучно окончили и получили свои аттестаты. Петровна, как и обещала, великодушно «нарисовала» нам с Багирой по «четверке». По нашей Петровне мы ску-
чали крепко,

поначалу то и дело заявлялись к ней в школу. С цветами, конечно. Я вскоре начала при-
таскивать

газеты и журналы с опубликованными стихами. Петровнушка радовалась и гордилась нами. В

первый раз, когда мы пришли к ней, она спросила, подмигнув мне: «Хочешь увидеть Зою Александровну? Она будет рада...» Багира напряглась и посуровела лицом. Я сказала:

– Нет! В другой раз как-нибудь...

Петровна засмеялась:

– Стесняешься? Хочешь, вместе зайдем к ней? Покажем ей твои стихи в журнале...

Я отрицательно помотала головой. Я не стеснялась. Я и вправду не хотела больше видеть ту, из-за

которой так недавно собиралась умереть.

Алгебру я освоила только спустя двадцать лет – когда моей старшей дочке потребовалась помощь в школе. Оказалось – интереснейшая вещь! А свою «фам фаталь» с фиолето-
выми глазами

так больше и не видела ни разу. И с Багирой – странное дело – мы никогда не говорим о ней, хотя

школьные годы вспоминаем часто. Такое вот самодельное табу. Сегодня я подумала: а, может

быть, это из-за того, что мы обе все-таки утонули в тот день в полынье? И нам про-
сто-напросто

снится, что мы выросли? Не от всякого сна можно очнуться – и это иногда счастье. В
нашем случае

– уж точно счастье.

НОЖ С КРОВОТОКОМ

Про августовский переворот уже никто толком не помнит, а я помню и ненавижу его за то, что он

отнял мои первые деньги. Моя мама работала тогда в журнале, журнал издавал «левые»
книжки,

под названием «Новые законы России», и, чтоб слишком не тратиться на реализацию,
предложил

сотрудникам, у которых имелись дети-подростки, подрядить отпрысков торговать зако-
нами в

переходе метро. Мне было пятнадцать лет, младшей сестренке – двенадцать, для полного
и

безоблачного счастья нам не хватало одного – карманных денег, поэтому мы согласились
с

радостью. Не, не, не. Никаких душераздирающих рассказов про несчастных детей под-
земелья вы

не услышите – даже и не надейтесь. Напротив, наше существование моментально превратилось в

сказку, а сами мы зажили недостижимой и волшебной жизнью богачей. За два-три часа стояния в

переходе на «Павелецкой» можно было заработать по двенадцать рублей на брата (ну на сестру,

на сестру!). Бешеные деньги! Мы приходили туда с утра, когда народ валил на работу, и кричали

звонкими голосами: «Новые законы России!» Милиция деланно отворачивалась. К нам подходили, дыша кто духами, кто туманами, кто перегаром. Восхищались, между делом, моей

смазливой физиономией, моей фигурой, часто оставляли сдачу («не надо, купи себе мороженое»). В своем коротком, застиранном платице я чувствовала себя почти народной

артисткой – а что еще нужно отроковице для счастья? Один только раз мы попали в историю:

стояли себе, зазывали народ, и вдруг проходивший мимо толстомордый дядька в тельняшке

крикнул мне: «Заткнись, шмакодявка!» Разве так разговаривают с богачками? Я в ответ тут же

выдала длинную матерную фразу, из которой морячок явственно должен был уразуметь, куда

именно ему следует пойти. Дядька круто развернулся, шагнул ко мне, схватил за плечо и так

тряхнул, что в первое мгновение я подумала, что моя голова оторвалась и ударилась о противоположную стенку перехода. «Это ты мне, воину-афганцу, такие слова говоришь?» От

толпы отделился какой-то парень, вырвал меня из когтей бравого моряка, бросив на прощанье:

«Девочка, не надо выёбываться!» Долго, очень долго потом друзья-приятели в нашем дворе

выслушивали из моих уст захватывающую историю про то, как я обматерила в переходе воина-

афганца, а незнакомый парень, точно прекрасный принц, меня спас. Но не суть. Главной радостью все равно были деньги. Мы покупали сладости, я тут же приобрела себе в коммерческом киоске фасонистые электронные часы, а потом мы поднакопили немного и

купили бабушке в подарок байковый халат. Расчудесный, красный, с желтыми розами. Он не

линял, не трепался при стирке, бабушка носила его оставшиеся три года жизни, почти не снимая –

кажется, именно в этом халате ее и похоронили.

И вот одним утром – будь оно проклято – в нашу комнату вошла мама, окинула взглядом пачки

«законов», приготовленные для продажи и вдруг принялась запихивать их под сестренкину

кровать.

– Мама, что ты делаешь? – почти с суеверным ужасом закричала я.

– В городе танки, военный переворот. Если найдут – будет плохо. Ночью вынесем это на

помойку...

Мы с сестрой обалдело глазели друг на друга и на маму. Танки? Переворот? Ну раз пере-
ворот, то

законы, понятно, больше не нужны: новая власть тут же накатает новые. А деньги... наши
деньги?

Как же они? Как раз денег-то, похоже, больше у нас не будет. Ужас и горе хлынули в
меня, точно

вода из шланга в пустую бочку. Выходя из комнаты, мама, между делом, сказала:

– По радио передали... На Форосе арестовали твоего деда и отца тоже.

Тут надобно сделать отступление. Мой дед, не подозревавший о моем существовании,
занимал

тогда в Кремле важный пост и числился фактически вторым человеком в государстве.
То есть, по

происхождению я была почти что советская принцесса крови. Правда, незаконнорож-
денная.

Узнав, что родичей арестовали, я испытала сложные чувства. Конечно, плохо, когда кого-
то

кидают в застенки. Но и незнакомый дед, и отец, с которым я познакомилась двадцать
лет спустя,

были для меня даже не людьми, а некими абстрактными вещами. Я их не знала – и,
следовательно, не любила. А деньги... какой же дурак не любит деньги? Нет, я почти
плакала...да и

не совсем почти, если честно. Сестренка уселась на мою кровать:

– Ты плачешь потому, что твоих папу и дедушку расстреляют танками?

Я ответила язвительно, я терпеть не могла сентиментальных людей:

– Я плачу оттого, что плакали наши денежки... Из танков разве расстреливают? Эх ты,
шмакодявка!

Танковый снаряд – он знаешь, сколько стоит? У этих повстанцев, чтоб им повылазило,
денег на

всех не хватит.

Я отвернулась и стала одеваться.

– В город все-таки надо выбраться... Танки посмотреть и вообще.

– А ты возьмешь меня с собой? – сестренка засуетилась возле стула с одеждой.

– Нет. Война – не детское дело. Сиди дома, а я вернусь и расскажу тебе про танки.

Она всхлипнула, но смотрела печально и понимающе. Потом вдруг спросила:

– А оружие?

Да, оружие, как это я забыла? Из оружия у меня имелся игрушечный маузер и настоящий
перочинный нож – одно лезвие в нем было сломано, но я всем говорила, что это никакое
не

лезвие, это кровосток – разве не понятно? С маузером было солиднее, с ножом практич-
нее. Кто

знает, вдруг в самом деле придется драться с повстанцами? Секунду поразмыслив, я
сунула нож в

карман джинсов.

– А тебя не убьют? – догнал меня уже в дверях комнаты голос сестры.

«На войне всякое бывает» – хотела ответить я сурово, но почему-то не ответила. Шмыг-
нула носом

от жалости к себе, сказала мягко:

«Ну что ты! Конечно, нет! Я их сама всех убью за то, что с нами сделали. Смотри, какой у меня нож

– с кровостоком!»

Ну вот. Так и потеряли мы свой легкий, фартовый заработок. Остается только добавить, что в

остальном переворот прошел прекрасно. Было много танков и людей, все вдруг стали дружны

между собой и так никого и не расстреляли и не убили, кроме трех несчастных парнишек чуть

постарше меня. Парнишки тоже шлялись в тот день по городу и вместо приключений схлопотали

по пуле – не повезло. Убитых хоронили как героев. Звучала грустная музыка, выступал Президент

и весь город плакал. Мы с сестрой плакали тоже.

ГАЛЬ – ВАЛЬ

Во времена моего детства считалось, что школьными учителями становятся одни неудачники.

Даже мамы с московской окраины, где я тогда жила, пытались всеми правдами и неправдами

уберечь дочерей от учительской доли.

В девять лет я влюбилась в учительницу русского языка и литературы со странным именем Мира.

Была она старше меня лет на пятнадцать, а, значит, родилась где-то году в шестидесятом, когда

девочек уже не называли Октябринами и Энгельсинами, но мода на чудные имена, тем не менее, сохранилась. Стоит ли описывать мои чувства ? У всех влюбленных в любом возрасте они

одинаковы. Нет смысла повторяться. Загляните в любой роман – и узнаете. В-общем-то ничего

странного в этом событии не было: маленьким девочкам свойственно влюбляться в красивых

наставниц. Современная психология, говорят, это даже приветствует. Дело все в том, что красивой Мира как раз не была. Она была... незащищенной что ли? Высокая, худая, коротко

стриженная, с комсомольским значком, приколотом на карманчик мальчишеской блузы, она

походила скорее на невыросшую девочку, чем на учительницу. Однажды, заметив царапину на

бледном Мирином запястье, мой сосед по парте Сашка Селезнев хмыкнул: «Нашу Миру кошка

поцарапала...» Я глядела на царапину как на тлеющий бикфордов шнур. Хуже всего было то, что я

никогда, никогда не смогу ее защитить ни от кого и ни от чего. Мне захотелось быть с нею, быть

ею, стать с ней единым целым. Я не понимала тогда, что в эти минуты так оно и было – такова

закономерность любви. На уроках я, понятно, не сводила с нее глаз. Если она замечала это и

улыбалась мне – я улыбалась в ответ. Потом ее улыбки стали... не то чтобы натянутыми, но какими-то спрашивающими. Вот это уже совсем не входило в мои планы. И я пустилась на

хитрость. Едва поймав ее взгляд, я скашивала в сторону глаза и слегка прикрывала их ресницами.

Попробуй тут заметь в моем взгляде что-то такое! Однажды Мира оставила меня после уроков

переписывать сочинение. Теперь она сидела за своим столом и смотрела на меня требовательно,

неотрывно. Я почти разозлилась. Сердце мое и без того громко болело – зачем еще добавлять?

Наскоро дописав последнюю строчку, я бросила тетрадку на учительский стол и метнулась к

двери. «Оля, подожди...» Она подошла ко мне. «Оля, я хочу спросить тебя... – я вновь почувствовала цепкий взгляд ее серых комсомольских глаз. – За что ты меня не любишь?»

Высокая, нескладная девочка стояла напротив меня возле классной двери и нервно переступала

длинными жеребеночьими ногами в красных босоножках. Я смотрела на ее босоножки. Мне

хотелось кричать от невозможности сказать в этом мире правду! Мой затылок едва доходил до

ее открытого локтя. Тут даже открывать рот было бессмысленно. Месяц спустя я перешла в

другую школу. Влюбленность еще долго вспыхивала во мне, но уже подобно сломанной электрической лампочке: внезапный жар и свет сменялись многомесячным холодом и тьмой – и

обратно. Я думаю, что ее нет в живых – мне так легче. Никогда не приходило в голову ее разыскать – да и зачем? Узнать, где и как растит внуков пожилая женщина с выцветшими глазами? Нет уж, дудки! Она умерла – и точка. Ту, мою, сероглазую стриженую Миру забыли,

наверное, все на Земле, а я отчего-то помню. Я точно знаю: она была моей первой любовью.

В другой школе у нас была физичка Галь-Валь. То есть имя-отчество у нее были вполне человеческими – Галина Валентиновна, но это пока она не встретила в жизни со мной и с моей

подругой и одноклассницей Багирой, тоже крайне скорой на креативные решения и неумеренно

острой на язык. Недолго думая, мы прозвали старушку Гальванометром. Сокращенно – Галь-Валь.

Детство Галь-Валь пришлось на военные годы – на блокаду и все прочие ужасности того славного

времени – поэтому в начале девяностых ей никак не могло быть уж слишком много лет. При этом

выглядела она совсем старенькой бабушкой – сутулая, седая, в вечно шаркающих домашних

туфлях. «Ну что за перемены такие короткие, – доверительно жаловалась Галь-Валь нашему

классу в начале урока. – Опять в туалет не успела сходить...» Хваталась за живот и выбегала за дверь. Окна в классе дрожали от хохота. Мы-то, в отличие от доверительной Галь-Валь, за перемену успевали переделать массу всяких полезных и бесполезных вещей – даже сбегать за школу выкурить запасливо стыренную дома сигарету. Впрочем, если над Галь-Валь и посмеивались, то чаще всего незло. Слишком уж не располагала она к агрессии извне – морщинистая, подслеповатая, беспомощная. Она никогда не чинила нам подлянок, не занижала оценки. Однажды Галь-Валь ударилась на уроке в воспоминания. Поначалу на это никто особо не обратил внимания. Но очень быстро в классе наступила абсолютная тишина. Лично я никогда в жизни не слышала больше такой тишины. Галь-Валь рассказывала нам про блокаду: «Сначала было холодно, а потом стало тепло – и я заснула рядом с мамой. И знаете, ребятки, такие хорошие сны мне снились, прямо хоть и не просыпайся вовсе! Все вокруг в цветах – желтых, красных, фиолетовых... Солнышко светит, тепло-тепло...» И, по всей вероятности, скоро, совсем скоро осталась бы малая девчушка в своих цветных снах дожидаться Второго Пришествия. Но тут в лицо ударил резкий луч фонаря. Снова стало холодно. И глухой, простуженный голос произнес откуда-то сверху: «Здесь два...» Это заявила санитарная бригада, собиравшая по ленинградским квартирам трупы. Галочка что есть силы зажмурила глаза и прижалась к матери, чтобы согреться, но та была еще холоднее, чем воздух в комнате. Ее невольное движение не укрылось от незваных гостей. Тот же хриплый голос поправился: «Один! Девочка жива...» Девочку быстро оторвали от мертвой матери, эвакуировали из осажденного города и поместили в детский дом где-то под Вологдой. «И там меня удочерила учительница, – улыбка слегка трогает старческие губы Галь-Валь. – У нее муж на фронте погиб, своих детишек не было, а я –то неприглядная, прозрачная совсем ходила, уж не знаю, чем я ей приглянулась...» Галь-Валь еще долго рассказывает нам, какие неприятности она доставляла своей приемной матери, едва-едва войдя в полосу переходного возраста. Наотрез отказывалась называть удочерительницу мамой. Убегала из дома. Грубила, срывалась на крик (глядя на Галь-Валь, даже на нас, окраинных оборотов, никогда не повышавшую голос, в это невозможно было поверить). Несколько раз соседи видели девчонку с сигаретой, сигарету отбирали, притаскивали за шиворот к матери. «И вот однажды

мама моя сказала: «Ну давай с тобой поговорим по-человечески! И с тех пор я совсем другая

стала...» О чем уж там «по-человечески» говорили одинаково измученные войной женщина и

ее приемная дочка, я не знаю. Хотя Галь-Валь, наверное, рассказывала и об этом, просто я забыла. Но думаю, что доброту, порядочность, любовь к нам – шпанистым, изначально любовью

обделенным – Галь-Валь переняла именно у той солдатской вдовы, удочерившей в войну чужую прозрачную девочку – ленинградку. Ведь все в мире имеет причину и следствие – это даже

мы в свои невеликие годы понимали чётко.

Я считаю учителей самыми счастливыми и удачливыми людьми в мире. Любых учителей. А своих

– особенно. Им была отмерена не одна жизнь, а тысяча жизней. Они перебрасывали себя через

собственную смерть так же легко, как я подростком перебрасывала мяч через волейбольную

сетку. Они – выиграли сражение, дав всем – и чужим, и близким – фору в сто очков. Они не

догадывались только об одном: потенциальным победителям в этом мире всегда приходится

труднее, чем побежденным. Зато победителей как будто бы не судят. Я точно знаю – не судят.

РТУТЬ

Люся и Таня Когутенко с Восточной Украины, а, может быть, с Западной... Вас разыскивает

девочка Оля из Филатовской больницы, разыскивает давно и безрезультатно – с самого

начала войны.

Сначала все думали, что это корь. Поднялась высоченная температура, тело покрылось гнойниками, веки почти не поднимались, как у Вия из страшной сказки. Потом увезли в Морозовскую больницу и там долго закалывали антибиотиками. Сначала стало лучше, потом –

опять хуже. Прошел еще месяц. Уже не было сил подниматься, есть, даже переворачиваться на

другой бок. Тогда вспомнили о том, что вроде бы в пионерлагере летом лечили какой-то ртутной

мазью и взяли анализ крови на ртуть. Анализ показал ртутное отравление – запущенное, из тех,

что укладывает здоровых и крепких детей в ящики, обитые атласом и шелковыми лентами. Опять

приехала «Скорая», еще одна «Скорая». Так я очутилась в реанимации Филатовской детской

больницы. Мне уже ничего не светило – все это понимали, кроме меня. Дети вообще не догадываются о таких вещах – в этом еще одна прелесть детства. Отделение было из «тяжелых»,

умирали в нем часто. Как-то на моих глазах умер трехлетний пацан – играл дома в больницу и

наглотался таблеток. Я заснула, когда над операционным столом зажглась эта ужасная синяя

лампа, а, проснувшись, слегка удивилась, что кровать с прутьями рядом со мной пуста. Лампа

была выключена, в реанимационном зале полутемно и тихо. «Куда они его дели?» Я приподняла

голову и увидела на операционном столе очертания коричневых ребячьих ног. «Офигели что ли?»

Он же проснется и свалится...» Пришли смеющиеся медсестры, завернули пацаненка с головой в

одеяло, потом еще в клеенку, утащили куда-то, а наутро я познакомилась с Люсей. Я открыла

глаза – и увидела прямо над собой темные внимательные глаза незнакомой девочки. Девочка

тряхнула головой – и в глазах моих запорхали светло-коричневые мотыльки. «Снится...»

-

подумала я и вновь зажмурилась. Горячая ладошка погладила мою щеку. «Тебя как зовут? –

спросил девчачий голос. Я вздрогнула и совершенно отчетливо увидела перед собой девочку лет

двенадцати – смуглую, очень живую, в красном халатике, смешно пахнущую ирисками. Она

сощурила слегка раскосые глаза на спинку моей кровати – там была прикреплена бирка с именем

и диагнозом. – Значит, Оля?» «Значит, Оля!» – повторила я ее слова. «Люся! – раздался позади

резкий голос медсестры, – А ну-ка марш отсюда!» С тех пор я лежала, повернув голову к входной

двери. Я ждала Люсю. Но в дверь входили и выходили врачи и медсестры, вносили и выносили

новых ребят – малышей, отравившихся таблетками, или юных самоубийц, не поладивших с

родителями, а то и решивших свести счеты с жизнью из-за несчастной любви. Обычно на другой

день всех их переводили в общую палату – всех, кроме меня. Однажды привезли грудную девочку

– и я удивилась, почему про таких вот маленьких говорят «кукла». Девочка была совсем не

похожа на кукол – вся красненькая, с жесткими черными волосиками и почти незаметными

щелочками глаз она все время плакала. Я слушала ее плач – и думала о Люсе. Внезапно я увидела

ее – Люся, милая Люся, заглянула на секунду, но смотрела вовсе не на меня, а на этого дурацкого

пупса. «Он плачет, а ты лежишь...» – произнесла Люся, как мне показалось, с заметной укоризной.

И исчезла снова. Теперь я, кажется, поняла, что мне нужно делать, чтобы заслужить ее дружбу. И

просто не могла дожидаться, пока малышка снова заплачет. Долго ждать не пришлось. Я поспешно

поднялась, оттолкнулась от кровати – и тут же рухнула: ноги, отвыкшие за несколько недель от

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.